
ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

THEORY AND HISTORY OF LAW ENFORCEMENT

УДК 340

DOI 10.52468/2542-1514.2022.6(4).5-14

ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРАВО И ПРАВОВОЙ ПЛЮРАЛИЗМ

С.В. Бирюков

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Информация о статье

Дата поступления –

3 марта 2022 г.

Дата принятия в печать –

20 сентября 2022 г.

Дата онлайн-размещения –

20 декабря 2022 г.

Изучается проблема применимости концепции правового плюрализма к внутригосударственному праву. Рассматриваются различные случаи, когда подсистемы права связаны с той или иной социальной группой (сообществом), выделенными по территориальному признаку или по кругу лиц (субправо субъектов федерации, муниципальных образований, корпораций, общин и т. д.). Доказывается, что внутригосударственному праву присуща своеобразная диалектика правового монизма и правового плюрализма.

Ключевые слова

Правовой плюрализм, правовой монизм, система права, подсистема права, федерация, местное самоуправление, корпоративное право, общинное право

NATIONAL LAW AND LEGAL PLURALISM

Sergey V. Biryukov

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Article info

Received –

2022 March 03

Accepted –

2022 September 20

Available online –

2022 December 20

The subject of the article is correspondence and competition legal monism and legal pluralism.

The purpose of the study is to confirm or refute the author's hypothesis that a peculiar dialectic of legal monism and legal pluralism is inherent in domestic law.

The methodology. The methods of various sciences related to the study of social and legal pluralism are combined. In particular, the system approach, dialectical method, methods of formal logic, formal-legal and comparative-legal methods, theoretical-sociological and theoretical-cultural analysis are used.

Keywords

Legal pluralism, legal monism, legal system, subsystem of law, federation, local self-government, corporate law, community law

The main results, scope of application. Within the framework of various social sciences, types of legal understanding, both a monistic view of law and various opinions about its plurality are presented (natural and positive law; the law of various states; domestic and international law; official and unofficial law).

Domestic law in developed countries is unified, but it is a complex unity consisting of various subsystems (levels). The question of whether these subsystems can not only correspond to each other and complement each other, but also compete with each other, be used by various entities within the framework of choosing the optimal regime of legal regulation has always been ambiguous for lawyers.

Discussions about legal monism and legal pluralism contribute to the development of theoretical knowledge about law. Situations of more or less pronounced legal plurality undoubtedly influence the specifics of all the main types of legal activity: from legal education and criticism of law to law enforcement. For the latter, the problem of compatibility of the principles of legality, formal equality and various forms of legal plurality has always been one of the most important.

Conclusions. The main manifestations of weak legal pluralism in modern domestic law can be considered as: (1) identification of subsystems of the law of the subjects of the federation and municipalities; (2) recognition of partial legal autonomy of various non-public organizations and autonomous communities (mainly in the field of private law). Each of these manifestations is considered separately. The problem of constitutionalization of legal pluralism is also touched upon. It is shown that a peculiar dialectic of legal monism and legal pluralism is inherent in domestic law.

1. Введение: постановка и актуальность проблемы

В рамках различных социальных наук, типов правопонимания представлены и монистическое представление о праве, и разнообразные мнения о его плюральности. Например, с точки зрения некоторых сторонников юснатурализма, естественное и позитивное право обособляются друг от друга. Для специалистов в области международного права, сравнительного правоведения достаточно очевидна неустранимая множественность систем права в масштабах общества-человечества. С точки зрения многих социологов и антропологов, некоторых представителей теоретической юриспруденции, может существовать как юридическое (официальное) право, так и иное социальное (неофициальное) право отдельных групп (общин).

Внутригосударственное юридическое право стоит здесь особняком. Оно в большинстве развитых государств является единым, но представляет из себя *сложное единство*, состоящее из различных подсистем. Вопрос о том, могут ли эти подсистемы не только соответствовать друг другу и дополнять друг друга, но и конкурировать между собой, использоваться различными субъектами в рамках выбора оптимального режима правового регулирования всегда, был для юристов неоднозначным.

Дискуссии о правовом монизме / правовом плюрализме способствуют развитию теоретических знаний о праве. Ситуации более или менее выраженной правовой множественности несомненно оказывают влияние на специфику всех основных видов юридической деятельности: от юридического образования и критики права до правоприменения. Для последнего проблема совместимости принципов законности, формального равенства и различных форм правовой множественности всегда была одной из важнейших.

2. Степень научной разработанности проблемы

По мнению некоторых представителей неюридических социальных наук, подлинный правовой

плюрализм заключается исключительно в выделении официального и неофициального права. В этом отношении показательна классическая для антропологии права работа Дж. Гриффитса «Что такое правовой плюрализм?». Он, в частности, утверждает, что обозначение возможного разнообразия «правовой политики во внутреннем дискурсе государственного права имеет лишь сбивающее с толку номинальное сходство с правовым плюрализмом как обозначением эмпирического положения дел в обществе» [1, р. 4, 8]. Для других авторов этого направления, например, К. фон Бенда-Бекманна, очевидно существование также слабого плюрализма разных подвидов права. При этом фактически отмечается, что в условиях прекращения географической изолированности различных групп именно такой плюрализм преобладает [2; 3].

В рамках собственно юриспруденции давно изучаются различные аспекты правовой множественности внутригосударственного права и юридического регулирования (в том числе множественность источников права, отраслей права, усмотрение правоприменителя). В частности, рассматриваются и ситуации, когда подсистемы права связаны с той или иной социальной группой (сообществом), выделенными по территориальному признаку или по кругу лиц. Они будут обобщены нами ниже. В некоторых случаях при анализе данных ситуаций используются термины «правовая множественность», «правовой дуализм», «правовой плюрализм» [4–6].

3. Методологическая основа изучения проблемы

По нашему мнению, для исследования соответствующей проблемы необходимо сочетать методы, характерные для различных наук, имеющих отношение к изучению социального и правового плюрализма. В частности, имеют значение системный подход, диалектический метод, методы формальной логики, формально-юридический и сравнительно-правовой методы, теоретико-социологический и теоретико-культурологический анализ.

4. Некоторые общие предположения

В рамках права, санкционированного и гарантированного *развитым государством*, может существовать только *слабый правовой плюрализм*, когда в праве выделяются особые его подсистемы, так как:

1) субстратом государства в общефилософском смысле, может являться только общество в целом, а вовсе не государственный аппарат, элита, партия, этническая, религиозная, экономическая группа. Следовательно, основная норма права развитого государства может быть только одна, а существование полицентрических государств противоречит законам формальной логики. Поэтому упоминание принципа правового плюрализма в конституции государства, как это произошло, в Боливии¹ и Мозамбике², не может превратить право всего государства и право отдельной социальной группы в *равноценные для общества* системы;

2) государство, хотя и испытывает давление со стороны иных внутренних и внешних институтов (элитарных групп, международных организаций, транснациональных предприятий), не исчерпало свой позитивный потенциал. Оно до сих пор выступает наиболее крупной формой реализации принципа политической и культурной универсальности, которую человечество смогло реализовать.

Универсальность государства в той мере, в какой ее удалось обеспечить, гарантирует начала свободы, справедливости и формального равенства в пределах большого общества. Принадлежность к конкретной группе может влиять на правовой статус индивида, но не должна вести к его исключению из под действия общегосударственного права. Подмечено, что коренное расширение прав обособленных групп препятствует реализации прав отдельных членов этих групп, вытекающих из юридического права [7, с. 220–225].

3) идеологема единого народного (государственного) суверенитета взаимосвязана с возможностями государства обеспечить достаточное единство законодательства, аппарата публичной власти, правоохранительной системы, юридического образования. Современные развитые государства в основном ликвидировали (квази-) судебные органы, характерные для национальных или религиозных групп, в результате чего уменьшился и нормативный плюра-

лизм (так, ссылка на национальные обычаи в законодательстве о гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации выполняет сегодня скорее декоративную функцию);

В то же время частичная правовая самостоятельность отдельных общностей и групп, выделяемых по территориальному или иному признаку, явно необходима для их сохранения и развития, иногда оправдана и для государства и личности. Она всегда привлекала внимание и остается несомненным фактом. Укажем, например, на выделяемую в доктрине международного частного права и упоминаемую в ст. 1188 Гражданского кодекса РФ *множественность правовых систем в рамках одной страны* [4].

Основными проявлениями слабого правового плюрализма в современном внутригосударственном праве можно считать: 1) выделение подсистем права субъектов федерации и муниципальных образований; 2) признание частичной правовой автономии различных непубличных организаций и автономных общин (в основном в области частного права).

Допустимо говорить как о различном субправе конкретных субъекта федерации, муниципального образования, организации, общины, так и о таких *уровнях* юридического права, как, скажем, общегосударственное право, право субъектов федерации, местное право, корпоративное (локальное) право, общинное право. Если в конкретном государстве таких подсистем или уровней всего два или же автор сравнивает только две подсистемы (два уровня) из нескольких имеющихся, то может использоваться термин «*правовой дуализм*» [5].

Степень самостоятельности и развитости подсистем и уровней права может быть совершенно различной, от почти автономной правовой коммуникации до лишь формальной, ритуальной самостоятельности.

Невзирая на включение подсистем права в рамки единого целого, сочетание правовых положений права разного уровня на практике несомненно может быть различным (от взаимодополнения до конкуренции и прямых коллизий, которые, впрочем, должны преодолеваются). Несмотря на идеальные представления о суверенитете, иерархии норм, юридической технике, никогда не могут быть полностью

¹ Конституция Многонационального Государства Боливия // Конституции стран мира: хрестоматия: в 7 ч. Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ун-т, 2014. Ч. 3: Америка. С. 324–380. (На англ. яз).

² Конституция Республики Мозамбик // Конституции стран мира. Ч. 5: Африка. С. 936–970. (На англ. яз).

исключены такие излишества, как дублирование правовых актов более высокого уровня на более низком; издание и (временное) фактическое действие актов, противоречащих актам центральной власти; опережающее правотворчество и т. д.

В случае *неразвитости государства или его упадка* такой его признак, как единое юридическое право, существует лишь в потенции. В этом случае провозглашение приоритета общегосударственного закона остается во многом благим пожеланием на будущее.

В условиях невозможности ликвидации отклоняющихся норм используются три основные стратегии государства: 1) игнорирование иных нормативных установлений и регуляторов; 2) их признание (включение, инкорпорация); 3) сочетание указанных практик.

В первом случае внутригосударственное право формально действительно на всей территории государства, но его действенность носит ограниченный характер. Именно так можно охарактеризовать состояние права в условиях социальных революций, гражданских войн, возникновения колониальной зависимости.

Во втором, признание локальных обычаев и (или) нормативных актов вписывает их в систему юридического права. Таким образом юридическое право восстанавливает свое внешнее единство и действенность, но оказывается разнородным и, порой, противоречивым.

Как известно, некоторые сторонники идеи о позитивном характере *сильного правового плюрализма* (из числа антропологов, социологов, историков) до сих пор выдвигают предложения о его легализации на уровне юридического права посредством, например, закрепления соответствующих положений в конституциях и законодательстве, введения в юридическое право правовых институтов традиционного права, создания и (или) признания государством судебных и (или) квазисудебных органов по национальному, религиозному, сословному и иному подобному основанию. При этом они ссылаются на подобный опыт отдельных государств Африки, Латинской Америки, Океании. Не оценивая здесь эти предложения по существу, заметим, что с формальной точки зрения, все эти шаги всегда рассматривались как своеобразный путь к обеспечению единства системы права государства.

Так, конституционализация правового плюрализма, формальная его легитимация в законе или судебной практике неизбежно означает его «ослабление», введение в определенные рамки. В некоторых

ситуациях в результате происходит лишь формальное включение отклоняющихся норм в состав официального права. В основном же оно знаменует одновременно запрет неконструктивных для общества в целом форм правового плюрализма.

Различия в нормах подсистем внутригосударственного права, очевидно, используются частными лицами *в рамках стратегии выбора права* (например, перерегистрация организации в целях уменьшения налогообложения в другом субъекте федерации (муниципальном образовании), переезд гражданина в другой субъект федерации в целях регистрации брака, смена организации-работодателя в целях улучшения регулирования труда) так же, как и более значимые различия в системах права разных государств.

5. Федерализм и правовой плюрализм

Наиболее изученным примером слабого правового плюрализма внутри государства является право в условиях федерального государства, в рамках которого могут сосуществовать подсистема права федерального уровня и подсистема права субъекта федерации (по вертикали), подсистемы права различных субъектов федерации (по горизонтали).

Федерализм представляет собой неоднозначное явление. Федерация, в отличие от конфедерации, образует государство. Политическая и юридическая доктрина указывает здесь на важность единства. В рамках идеологического его обоснования подчеркивается народный (государственный) суверенитет: утверждается или что полномочный народ непосредственно учреждает всевозможные правительства (американская теория федерализма), или что народ образует политическое сообщество, из которого уже выделяются различные уровни власти (европейская теория федерализма) [8, с. 58].

С другой стороны, это единство, предполагающее многообразие в различных сферах общественной жизни, в том числе и в праве. В научной литературе для характеристики сущности федерализма используются выражения вроде «параллельного обеспечения политической интеграции... и разделенного управления» [9, с. 15]. В законодательстве могут выделяться такие частично конкурирующие принципы как единство системы власти и правового пространства и разграничение предметов ведения органов власти разного уровня, (частичная) самостоятельность субъектов федерации.

Случается, что многообразие выходит на первый план научного исследования и тогда федерализм более или менее явно соотносится с различ-

ными формами социального плюрализма (тогда упоминается собственно правовой плюрализм [6], культурный либо расовый плюрализм [10, с. 63]). Точно иллюстрируют эту сторону федерализма также выдержки из публицистической литературы. Скажем, хорошим тоном для различных очерков о путешествиях по США стало выражение явной региональной или местной специфики, в том числе в политико-правовых вопросах. Такая традиция, возможно, идет от А. де Токвиля³, но продолжается и в XX в., например в очерках И.А. Ильфа и Е.П. Петрова⁴, Ж. Сименон⁵.

Исходя из анализа современных федераций, в самом общем виде сделаем в отношении слабого правового плюрализма в таких государствах следующие выводы:

1. В рамках федерализма может иметь место как объединение первоначально существующих сообществ (государств) через договор, так и конструирование новых сообществ органами центральной власти (в трактовке А. Штепана «федерация снизу» (*coming together*) или «федерация сверху» (*keeping together*) [11, с. 163]).

2. Субъекты федерации могут выделяться на основе сугубо территориального принципа, а также полностью или в части с учетом этнической и (или) языковой, религиозной принадлежности населения, в то же время социальные группы и сообщества, выделяемые по другим основаниям (профессия, идеология, размер доходов и т. д.), а также этнические, религиозные, лингвистические меньшинства (на территории соответствующих субъектов федерации) практически не имеют возможности выразить таким образом специфику своей правовой культуры.

3. Уровень правовой автономности субъектов федерации от центральной власти в разных странах существенно различается в зависимости от реализованного вида федерализма (дуалистический (координирующий) – кооперативный (пересечение властей) – конкурентный – федерализм принуждения (пересечения) [12]).

4. Очевидными примерами федераций с высоким уровнем самостоятельности их субъектов являются США, особенно до 1861 г., и современная Канада с таким феноменом, как особый статус Квебека.

В этих случаях может подчеркиваться несводимость к друг другу уровней власти и, соответственно, права. Так, для доктрины дуалистического федерализма характерно утверждение, что органы аппарата штатов (провинций) (как и местные органы) получают власть непосредственно от населения территорий, а не от органов центрального государственного аппарата [8, с. 107]. В Канаде народ Квебека на уровне риторики иногда признаётся даже отдельной нацией, обществом [10, с. 22–40].

5. Существуют также государства, в которых реализованы лишь отдельные элементы федерализма или же субъекты федерации находятся под сильным контролем центральной власти. По сравнению с американским образцом, явно меньшими властными и «юридическими» полномочиями обладают субъекты федерации в Австралии, Австрии, ФРГ.

6. Независимо от степени самостоятельности субъектов все реальные федерации могут быть охарактеризованы через выделение различных подсистем права. Они, как правило, имеют основной закон (конституцию и пр.), собственную систему законодательства, а иногда – собственную судебную систему, судебные прецеденты, региональные обычаи, нормативные правовые договоры.

Создаваемые субъектами федерации нормы (даже при их меньшем числе или значении, по сравнению с федеральными), представляют собой не просто совокупность положений, а *взаимосвязанные* положения, опирающиеся на федеральное законодательство и (или) основной закон субъекта, имеющие общую цель регулирования, отражающую известную самостоятельность (автономность) субъектов. Отмечается, что системность законодательству субъектов федерации придает совокупность многообразных и разнородных внешних и внутренних связей, что качествами этой системы являются относительная автономность, целостность, организованность, сложность [13, с. 13, 14]. Право субъекта федерации («региональное право») характеризуется как система норм права или уровень права [14].

7. Распределение правотворческих функций между федерацией в целом и ее составными частями в разных государствах существенно различается по таким критериям, как больший или меньший объем компетенции, закрепление за субъектами фе-

³ Токвиль А. де. Демократия в Америке. М.: Прогресс, 1992. С. 280.

⁴ Ильф И., Петров Е. Одноэтажная Америка: документ. повесть. СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. С. 29.

⁵ Сименон Ж. По Америке в автомобиле // Его же. Новые парижские тайны. М.: Прогресс, 1988. С. 197, 198.

дераций тех или иных вопросов конкретных отраслей права (законодательства), наличие или отсутствие судебной системы (отдельных судов) субъектов федерации и иным основаниям.

При этом при самых минимальных правотворческих полномочиях они обеспечивают определенную политическую и культурную автономию территориального сообщества. Эту роль играют, в частности, сама фиксация статуса субъекта и его прав создавать органы власти, издавать нормативные правовые акты; получать и использовать некоторые налоговые доходы и (частично) регулировать эти процессы; определять особенности культурной политики и т. п.

8. Разнообразие правового регулирования, возникающее благодаря реализации принципа федерализма, и сам этот принцип, по-разному оценивается исследователями: от негативного к нейтральному и положительному к ним отношению. Следует зафиксировать, что в некоторых случаях это разнообразие играет отрицательную роль, зато в других, напротив, является одним из немногих приемлемых способов совместить сохранение единого государства и крайнее, потенциально конфликтное, социальное многообразие.

9. Разнообразие правового регулирования в различных субъектах федерации может использоваться физическими и юридическими лицами в рамках стратегии выбора права. Это сегодня осознаётся не только на индивидуальном уровне. Для доктрины конкурентного федерализма характерно мнение, что активность региональных органов государственной власти должна быть связана с конкуренцией субъектов федерации за налогоплательщика, производителя и потребителя [12, с. 33, 34], что такая конкуренция может благотворно отражаться на развитии как субъекта, так и федерации в целом.

6. Территориальное самоуправление и правовой плюрализм

Подобные выводы можно сделать и в отношении:

1) «государств с элементами федерализма», например отдельных империй, регионалистских государств, государств, включающих в состав территориальные автономии, если соответствующие территориальные образования и их органы власти обладают правотворческой компетенцией;

2) государств, в которых существует местное самоуправление.

Так, в российской правовой науке фиксируется, что «многообразие муниципальных образований

предопределяет существование в каждом из них относительно самостоятельных систем муниципальных нормативных правовых актов» [15, с. 9], что нормативные акты муниципального образования представляют собой организованную и упорядоченную правовую целостность [16, с. 9].

Степень автономности и своеобразия подобных систем в целом меньше, нежели у субъектов федерации, тем более, что муниципальные образования, как правило, не имеют своих судебных органов. Тем не менее эти автономия и своеобразие имеют место быть и способствуют дифференциации правового регулирования как в унитарных, так и в федеральных государствах. В последних они усиливают последствия реализации принципа федерализма.

7. Корпоративизм и правовой плюрализм

Корпоративное (локальное) правовое регулирование в отечественной науке почти не рассматривается как отражение диалектики правового монизма и плюрализма и реже привлекает внимание исследователей, чем проблема «право и федерализм». В отечественной юридической науке оно до сих пор порой сводится к довольно редким случаям принятия локальных актов, регулирующих трудовые отношения, или же вообще выводится за рамки права. Несомненно также, что в условиях развитого государства локальные акты часто жестко вписаны в иерархию источников права, в которой им отведено подчиненное положение.

В то же самое время индикатором более сложного положения дел являются, конечно, старые и современные дискуссии относительно статуса церкви, церковного права, хозяйской власти (власти работодателя). Как в начале XX в., так и в начале XXI в. многие канонисты были уверены, что внутреннее церковное право есть создание самой церкви и не может быть частью государственного права или, что церковное право не может быть отнесено ни к частному, ни к публичному праву [17, с. 12–14; 18, с. 38, 39]. Исходя из взглядов известного отечественного цивилиста Л.С. Таля [19, с. 479–482] наш современник А.С. Кудрин рассматривает работодателя и органы государственной власти как отдельных субъектов социальной власти и правового воздействия [20, с. 16–64].

Для организаций, работающих в разных сферах, существуют типичные примеры конкуренции и (или) своеобразия в направлениях деятельности, устройстве, внутренних правилах. Ученые, публицисты, писатели так или иначе сопоставляют конкретные церкви, фирмы, университеты и т. п.

Можно заметить, что во-первых, в рамках социального строя и правопорядка периода средневековья государством (добровольно или вынужденно) признавалось наличие различных судебно-правовых иммунитетов (церкви, помещика, городов, купеческих гильдий, университетов и пр.).

Во-вторых, и в настоящее время источники права непубличных организаций, их органов управления представлены во многих отраслях частного, а косвенно и публичного права и могут быть достаточно своеобразными, в результате чего почти каждая организация чем-то отличается от другой. Эти отличия связаны: 1) с изданием «инициативных» нормативных актов и договоров, которые приняты в пределах дозволенного усмотрения, либо носят оспоримый характер, но не стали предметом проверки со стороны органов публичной власти; 2) с наличием юридических и квазюридических локальных обычаев; 3) с изданием локальных актов распорядительного характера, которые не всегда соответствуют внешним и внутренним нормативам, но применяются на практике; 4) с существованием иных локальных регуляторов – целей деятельности организации, ее интересов и пр.

В самом общем виде мы можем резюмировать следующее:

1) корпорации могут быть созданы как извне (государственные учреждения и предприятия), так и посредством самоорганизации определенных лиц;

2) они могут соответствовать группам и сообществам, созданным на основе различных принципов (по религиозному, этническому, территориальному, профессиональному, возрастному, экономическому и иным признакам);

3) уровень правовой автономности организаций различен и зависит от разных факторов (особенности системы права, политического режима, форма собственности, наличие исторических и культурных традиций);

4) корпоративные нормы права так или иначе связаны между собой и внешними нормами законодательства, они часто имеют в качестве основы устав, во многом способствуют достижению цели деятельности той или иной организации. Иными словами они образуют систему (подсистему), что отмечается и в литературе [21, с. 11];

5) эти нормы права могут закрепляться в различных формальных источниках (не только в нормативных актах, но и в обычаях, нормативных договорах и даже прецедентах);

б) нормы, принимаемые в различных организациях, могут отличаться друг от друга, затрагивать вопросы различных отраслей права, эти отличия во многом связаны со спецификой деятельности организации;

7) соответствующая дифференциация правового регулирования может иметь как положительное, так и отрицательное значение, но полное исчезновение проявлений самостоятельности и своеобразия организаций невозможно, что связано как с проявлениями социального плюрализма, так и с ограниченными возможностями управления обществом из единого центра;

8) правовое многообразие на этом уровне может использоваться физическими и юридическими лицами в своих интересах;

9) особую остроту проблемы сопоставления государственного и корпоративного регулирования, своеобразия регулирования в различных организациях приобретают в условиях глобализации.

8. Общинное самоуправление и правовой плюрализм

Указание на общинное право как на отдельный уровень внутригосударственного юридического права является спорным. Мы должны вынести за скобки те нормативные установления, которые *не признаны государством*, т. е. входят не в систему права государства, а в нормативную систему общины как таковой (хотя именно они, будучи выделенными антропологами, социологами, историками, чаще всего и соотносятся с выражениями «общинное право» [22], «общинное правосудие» [23]).

Если иметь в виду исключительно *нормы общин, не являющихся организациями, в той части, в какой они санкционированы государством (всем обществом)*, то во-первых, они могут выражаться только в форме обычаев. Во-вторых, такие обычаи сравнительно редко используются в юридическом праве развитого государства. Ранее они применялись прежде всего в условиях плюрализма юрисдикций разрешенными государством органами общинной юстиции и управления, представители которых сами были знатоками соответствующих обычаев. Сегодня же в «западном мире» таких структур почти не осталось. При таких обстоятельствах допущенные в юридическое право обычаи вряд ли могут составить отдельную подсистему норм.

В то же время в исторической ретроспективе и в некоторых современных государствах Африки, Латинской Америки, Океании роль таких обычаев может быть куда более значительной, признанной на

уровне основного закона, а их массив может оказываться куда более взаимосвязанным. Показательно, что даже при сравнении судебной практики использования обычаев коренных народов в России и Канаде было установлено, что в последней дела об основанных на обычаях правах автохтонных народов иногда решаются в пользу представителей этих этносов даже тогда, когда с первого взгляда имеет место обычай, вступающий в противоречие с законодательством [24].

В любом случае использование общинных обычаев, конечно, повышает правовое многообразие,

способствует учету интересов социальных групп и должно быть рассмотрено при раскрытии проблемы правового плюрализма.

9. Выводы

Мы можем видеть, что концепция правового плюрализма в определенных аспектах вполне применима к внутригосударственному праву. Ее использование позволяет по новому взглянуть на правовое регулирование общественных отношений и показать, что юридическому праву присуща своеобразная диалектика правового монизма и правового плюрализма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Griffiths J. What is Legal Pluralism? / J. Griffiths // *Journal of Legal Pluralism*. – 1986. – Vol. 18, iss. 24. – P. 1–55. – DOI: 10.1080/07329113.1986.10756387.
2. Бенда-Бекманн Ф. фон. Общинные права на землю: освобождение или косвенное управление? / Ф. фон Бенда-Бекманн, К. фон Бенда-Бекманн // *Обычное право и правовой плюрализм : материалы XI Международного конгресса по обычному праву и правовому плюрализму*, авг. 1997 г., Москва. – М. : Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1999. – С. 91–101.
3. Бенда-Бекманн К. фон. Правовой плюрализм в международном контексте / К. фон Бенда-Бекманн // *Обычай и закон : исслед. по юрид. антропологии*. – М. : Стратегия, 2002. – С. 87–95.
4. Толстых В. Л. Применение права страны с множественностью правовых систем в международном частном праве / В. Л. Толстых // *Международное публичное и частное право*. – 2003. – № 2. – С. 34–36.
5. Леснова Н. И. Правовой дуализм в России XVIII – начала XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.И. Леснова. – Н. Новгород, 2007. – 21 с.
6. Левина М. И. Проблемы правового плюрализма в условиях федеративной формы государственного устройства России / М. И. Левина. – URL: <https://ecsocman.hse.ru/data/789/693/1219/021.LEVINA.pdf> (дата обращения: 15.11.2021).
7. Ричардсон Дж. Социальное конструирование правового плюрализма / Дж. Ричардсон // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. – 2013. – № 2. – С. 40–62.
8. Элейзер Д. Дж. Сравнительный федерализм / Д. Дж. Элейзер // *Полис*. – 1995. – № 5. – С. 106–115.
9. Силонов П. М. Федерализм в зарубежных странах: конституционно-правовые и политические технологии : дис. ... д-ра юрид. наук / П. М. Силонов. – М., 2005. – 437 с.
10. Еременко Е. О. Канадский федерализм: опыт управления этнополитическими процессами / Е. О. Еременко : дис. ... канд. полит. наук. – М., 2000. – 142 с.
11. Захаров А. Централизация и децентрализация: либеральный ответ для ЕС и России / А. Захаров // *Либерализм в XXI веке: Современные вызовы свободе и новые либеральные ответы*. – М. : Мысль, 2019. – С. 147–178.
12. Ширко Е. Н. Модель кооперативного федерализма: возможности и границы использования (на примере США и России) : дис. ... канд. полит. наук / Е. Н. Ширко. – М. : 2002. – 170 с.
13. Дудко И. Г. Законодательство субъектов Российской Федерации. Вопросы теории : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Н. Новгород, 2004. – 54 с.
14. Потапов М. Г. Система норм права и система нормативных правовых актов субъекта Федерации / М. Г. Потапов // *Журнал российского права*. – 2001. – № 1. – С. 59–73.
15. Леонтенков А. В. Муниципальные правовые акты в системе источников российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. В. Леонтенков. – Н. Новгород, 2005. – 36 с.
16. Чащина С. И. Система муниципальных нормативных актов : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С. И. Чащина. – Хабаровск, 2006. – 27 с.

17. Павлов А. С. Курс церковного права / А. С. Павлов. – Сергиев Посад : собств. тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1902. – 552 с.
18. Варьяс М. Ю. Краткий курс церковного права / М. Ю. Варьяс. – М. : МЗ Пресс, 2001. – 128 с.
19. Таль Л. С. Трудовой договор : цивилист. исслед. / Л. С. Таль. – М. : Статут : Консультант Плюс, 2006. – 537 с.
20. Кудрин А. С. Воздействие субъектов социальной власти на общественные отношения, входящие в предмет трудового права: некоторые аспекты теории, истории и практики : дис. ... канд. юрид. наук / А. С. Кудрин. – Пермь, 2015. – 222 с.
21. Карнаухова Е. В. Систематизация локальных нормативных правовых актов в Российской Федерации: общая характеристика и виды : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. В. Карнаухова. – Тюмень, 2011. – 22 с.
22. Костогрызов П. И. Общинное право / П. И. Костогрызов // Антиномии. – 2019. – № 2. – С. 67–86.
23. Daniel N. The 'Soft Vengeance' of the People: Popular Justice, Community Justice and Legal Pluralism in South Africa / N. Daniel , P. J. Schwikkard // Journal of Legal Pluralism. – 1996. – № 36. – P. 69–87.
24. Захарова Т. А. Обычаи коренных народов в судебных решениях Канады и Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование) / Т. А. Захарова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 4. – С. 30–35.

REFERENCES

1. Griffiths J. What is Legal Pluralism? *Journal of Legal Pluralism*. 1986, vol. 18, iss. 24, pp. 1–55. DOI: 10.1080/07329113.1986.10756387.
2. Benda-Beckmann F. von, Benda-Beckmann K. von. Communal rights to land: liberation or indirect management? in: *Customary Law and Legal Pluralism*, materials of the XI International Congress on Customary Law and Legal Pluralism, August 1997, Moscow. Moscow, N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences Publ., 1999, pp. 91–101. (In Russ.).
3. Benda-Beckmann K. von. Legal pluralism in the international context, in: *Custom and law. Studies in legal anthropology*, Moscow, Strategiya Publ., 2002, pp. 87–95. (In Russ.).
4. Tolstykh V. L. law of the country with a plurality of legal systems in international private law. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo*, 2003, no. 2, pp. 34–36. (In Russ.).
5. Lesnova N.I. *Legal dualism in Russia of the XVIII – early XX century*, Cand. Diss. Thesis. Nizhny Novgorod, 2007. 21 p. (In Russ.).
6. Levina M.I. *Problems of legal pluralism in the conditions of the federal form of the state structure of Russia*. Available at: <https://ecsocman.hse.ru/data/789/693/1219/021.LEVINA.pdf> (date of access: 11.15.2021). (In Russ.).
7. Richardson J. The social construction of legal pluralism. *Gosudarstvo, religiya i tsercov v Rossii i za rubedzom*. 2013, no. 2, pp. 40–62. (In Russ.).
8. Eleizer D.J. Comparative federalism. *Polis*, 1995, no. 5, pp. 106–115. (In Russ.).
9. Silonov P.M. *Federalism in foreign countries: constitutional, legal and political technologies*, Doct. Diss. Moscow, 2005. 437 p. (In Russ.).
10. Eremenko E.O. *Canadian Federalism: the experience of managing ethnopolitical processes*, Cand. Diss. Moscow, 2000. 142 p. (In Russ.).
11. Zakharov A. Centralization and decentralization: a liberal response for the EU and Russia, in: *Liberalism in the XXI century: Modern challenges to freedom and new liberal responses*. Moscow, Mysl' Publ., 2019, pp. 147–178. (In Russ.).
12. Shirko E.N. *The model of cooperative federalism: principles and boundaries of use (on the example of the USA and Russia)*, Cand. Diss. Moscow, 2002. 170 p. (In Russ.).
13. Dudko I.G. *Legislation of the subjects of the Russian Federation. Questions of theory*, Doct. Diss. Thesis. Nizhniy Novgorod, 2004. 54 p. (In Russ.).
14. Potapov M.G. The system of norms of law and the system of normative legal acts of the subjects of the Federation. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2001, no. 1, pp. 59–73. (In Russ.).
15. Leontenkov A.V. *Municipal legal acts in the system of sources of Russian law*, Cand. Diss. Thesis. Nizhny Novgorod, 2005. 36 p. (In Russ.).

16. Chashchina S.I. *System of municipal regulations*, Cand. Diss. Thesis. Khabarovsk, 2006. 27 p. (In Russ.).
17. Pavlov A.S. *Course of church law*. Sergiev Posad, own printing house of the Holy Trinity Sergius Lavra, 1902. 552 p. (In Russ.).
18. Varyas M.Yu. *A short course of church law*. Moscow, MZ Press Publ., 2001. 128 p. (In Russ.).
19. Tal L.S. *Labor contract: civilistic research*. Moscow, Statut Publ., Consultant Plus Publ., 2006. 537 p. (In Russ.).
20. Kudrin A.S. *The impact of subjects of social power on public relations included in the subject of labor law: some aspects of theory, history and practice*, Cand. Diss. Perm, 2015. 222 p. (In Russ.).
21. Karnaukhova E.V. *Systematization of local regulatory legal acts in the Russian Federation: general characteristics and types*, Cand. Diss. Thesis. Tyumen, 2011. 22 p. (In Russ.).
22. Kostogryzov P.I. Community law. *Antinomii*, 2019, no. 2, pp. 67–86. (In Russ.).
23. Daniel N., Schwikkard P.J. The 'Soft Vengeance' of the People: Popular Justice, Community Justice and Legal Pluralism in South Africa. *Journal of Legal Pluralism*, 1996, no. 36, pp. 69–87.
24. Zakharova T.A. Customs of indigenous peoples in judicial decisions of Canada and the Russian Federation (comparative legal research). *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2018, no. 4, pp. 30–35. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бирюков Сергей Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
644077, Россия, г. Омск, пр. Мира, 55а
E-mail: svbir@mail.ru
SPIN-код РИНЦ: 2496-9382; AuthorID: 195718

INFORMATION ABOUT AUTHOR

Sergey V. Biryukov – PhD in Law, Associate Professor; Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law
Dostoevsky Omsk State University
55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia
E-mail: svbir@mail.ru
RCSI SPIN-code: 2496-9382; AuthorID: 195718

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Бирюков С.В. Внутригосударственное право и правовой плюрализм / С.В. Бирюков // *Правоприменение*. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 5–14. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).5-14.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Biryukov S.V. National law and legal pluralism. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 5–14. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).5-14. (In Russ.).